

Очевидно, учитывая высказанные Б. В. Змерзлым предположения, Т. В. Хутько в своей статье «Створення судових органів у Таврійській області у 80-ті –90-ті роки XVIII століття», в том числе, со ссылкой на архивные источники, указывает на даты открытия некоторых сиротских судов в регионе [8, с. 361]. При этом, иных работ, раскрывавших бы те или иные аспекты деятельности сиротских судов в Таврической губернии, их участие в государственной политике по отношению к различным национальностям Крыма, на сегодняшний день нет.

Приступая к изложению основного материала, необходимо указать, что отсутствие взвешенной национальной политики по отношению к крымским татарам, затянувшееся более чем на пол века определение их земельной и вакуфной собственности, разрыв многовековых традиционных религиозных связей с Турцией, а также множество других разнохарактерных причин привели к тому, что часть крымскотатарского населения в ходе Восточной войны 1853 – 1856 гг. активно поддержала антироссийскую коалицию, в особенности Турецкие войска. С окончанием боевых действий большинство из них узнав о принятии решения по оставлению Крыма в собственности России положили начало массовой эмиграции, в результате которой выехало десятки тысяч человек, а по некоторым данным и более.

Как общеизвестно, в подписанном по результатам Крымской войны мирном договоре (заключен 18/20 марта 1856 г., опубликован 10 апреля №30411) царское правительство вынуждено был пойти на многочисленные уступки, в том числе, согласно ст. 5. «Их Величества Император Всероссийский... даруют полное прощение тем из Их подданных, которые оказались виновными в каком либо в продолжение военных действий соучастии с неприятелем. При сем постановляется именно, что сие общее прощение будет распространено и на тех подданных каждой из воевавших Держав, которые во время войны оставались в службе другой из воевавших Держав» [9, с. 226-227].

Не смотря на столь широкий жест, эмиграция приняла весьма широкий характер, перешедший затем в мало управляемое бегство. Важным вопросом, как для оставшихся крымских татар, так и для российского правительства, стало определение дальнейшей судьбы имущества эмигрантов. Учитывая, что основным достоянием крымских татар в регионе была земля, то именно вокруг нее и развернулись основные баталии. Пытаясь спасти хотя бы часть брошенных земель, и, возможно отчасти улучшить собственное материальное положение, Таврическое Магометанское Духовное Правление во второй половине 1850-х начале 1860-х гг. пыталось некоторые из них объявить вакуфными. Однако учитывая значительную массу брошенных земель, недостаток их арендаторов и подтверждающих передачу земель и имущества документов, а также давление со стороны российского чиновничества, многие из них были утеряны [10, с. 156].

Значительная часть работы по выяснению, взятию на учет и дальнейшему использованию имущества и земель эмигрантов была возложена на сиротские суды. Очевидно, что такой шаг был вызван значительным опытом данных учреждений по опеке и контролю за сохранностью самого различного имущества. А именно эти работы предстояло провести в первую очередь, так как предстояло выяснить соответствие принадлежности брошенных земель именно эмигрантам, а в дальнейшем, в течении порядка 10 лет, не только их сохранить, но и при возможности получить доход, который, исходя из ситуации и действовавшей законодательной базы, так

или иначе в месте с землями должен был перейти государству. Учитывая что забота о выморочных имениях, с целью их перевода в казну была одним из важнейших направлений деятельности Сиротских судов, а также крайне расстроены финансы России после Крымской войны, этой работе сиротских судов было уделено особое внимание.

Учитывая ограниченный объем исследования приведем лишь наиболее типичные случаи из работы Евпаторийского и Бахчисарайского сиротских судов по опеке и дальнейшем переводе в казну брошенного имущества крымскотатарских эмигрантов.

Необходимо сразу отметить, что в Евпатории решение этих вопросов было возложено не только на местный сиротский суд, но и на специально созданный «Евпаторийский комитет над имениями ушедших за границу татар», с подключением других органов власти по мере необходимости. Так, к примеру, список земель оставшихся после выехавших за границу татар, был составлен Евпаторийским земским судом. На общем заседании комитета и сиротского суда от 26 февраля 1858 г., согласно представленному списку, оказалось, что некоторые из указанных в нем земель, принадлежали евпаторийским мещанам: Летий баю – 1700 десятин; Катлу баю 108 десятин, купцу Максуту 1557 десятин. Учитывая, что уездный кадий от принятия этих земель в свою опеку отказался, их решили отдать в опекуное управление. В результате Евпаторийская городская дума утвердила предложенные сиротским судом и комитетом двух опекунов по этим землям: купца Евстафия Христонопуло и мещанина Курутхай Батия [11, л. 2-3].

Но уже в скором времени выяснилось, что список земель эмигрантов был составлен земским судом несколько недобросовестно, что вскоре вызвало дополнительные разбирательства. Так, 19 июня 1858 г. Таврический губернатор писал Евпаторийскому комитету, что к нему поступили жалобы от вдовы и дочери уехавших. Он требовал объяснить, на каком основании эти земли были взяты в опеку как брошенные при наличии наследников [11, л. 7]. Комитету ничего не оставалось, как ответить, что если дочь представит доказательства, что она действительно наследница Летий бея, то ей земли вернут [11, л. 9]. В подтверждение этого, 21 января 1859 г. Курганая Батиев писал в Евпаторийский сиротский суд, что Летий бай умер еще до войны в деревне Келечи, но у него осталась дочь, которой более 40 лет. Исходя из чего, необходимости устанавливать опеку не было, так как она и так уже по факту управляла наследством [11, л. 30].

По вопросу о принадлежности других земельных участков также началась ожесточенная борьба. Так, родственники купца Максут эфенди писали в сиротский суд, что он не бежал, а уехал поклониться гробу Магомета, но в Крыму остался его родной сын, который и являлся прямым наследником [11, л. 12]. Для выяснения ситуации был произведен опрос татар из деревень по этой земле с соответствующими подписями на показаниях [11, л. 20-24].

Сложившаяся ситуация вокруг опекаемого имущества создавала обстановку нервозности среди опекунов. Так, в своем письме от 29 января 1859 г. назначенный опекуном купец Евстафий Христонопуло всячески отбивался от опеки. Он писал что взят под надзор полиции за критические высказывания против начальства, а потому не может выезжать из города и заниматься этими землями [11, л. 27]. 3 февраля Христонопуло опять просил отставки, ссылаясь на то, что хотя его и освободили

от надзора полиции, но за время надзора его торговые дела пришли в расстройство и потому он будет вынужден много ездить, а значит, не может исполнять свои опекунские обязанности [11, л. 33]. Лишь 25 февраля вместо него назначили купца Караяна [11, л. 38].

В последующие годы шел длительный процесс выявления и использования брошенного имущества, при этом Евпаторийский сиротский суд строго следил за доходностью сданной земли в аренду. Так, к примеру, по состоянию на 10 ноября 1872 г. у мещанина Муратчи Белали Оглу арендовавшего 80 десятин земли при деревне Кары, обнаружилась недоимка 3 руб. 77, 5 коп. да еще налог 3 руб. 4 коп., итого – 6 руб. 81,5 коп. долга [12, л. 6].

Деятельность сиротского суда жестко контролировалась со стороны Таврического губернского правления, безусловно, материально заинтересованного в получении дополнительного дохода. Так, к примеру, 11 февраля 1874 г. правление приказало немедленно доставить из сиротского суда полные сведения об использовании имений татар, уехавших за границу, за 1872 – 1873 гг.: в чем состоит, сколько получено с них дохода, где он храниться, есть ли недоимки и т.д. [12, л. 17]. Из ответа сиротского суда мы узнаем, что таковых (арендаторов) было 5 человек, а самой опекаемой земли только 80 десятин [12, л. 18]. Вполне возможно, что аренда несколькими арендаторами была маловыгодна суду и потому, в 1875 г. он предпочел сделать попытку сдать всю землю в аренду в одни руки. Так или иначе, но им было составлено следующее объявление:

«Объявление от Евпаторийского сиротского суда, сим объявляется, что в присутствии его на 1-е число июля месяца сего года назначены торги, на отдачу в арендное содержание сроком на 3 года земли при деревне Кары Евпаторийского уезда состоящей в количестве 80 десятин принадлежащей ушедшему за границу татарину мещанину Муратши Байоглу, с узаконеную через 3 дня перетороккою. Желающие взять вышеозначенную землю в аренду могут явиться на то число в присутствии сего суда. Июня 20 дня 1875 г. Объявление публичное» [12, л. 23].

Безусловно, что имущество эмигрантов составляло куда более 80 десятин земли. Весь этот период шло выявление и составление описи пустых и разрушенных домов ушедших татар [12, л. 45]. Всех строений татар ушедших за границу, по состоянию на 1867 г., в Евпаторийском уезде было 485, в том числе разоренных 173. А по состоянию на 1875 г. – 241 строение. Из них на 189 описи доставили в управление бывшей городской думы, а на 81 в сиротский суд. Часть из них продали, а 15 отдали наследникам. Стоит, очевидно, упомянуть, что с городскими учреждениями по этим вопросам сотрудничало управление государственных имуществ [12, л. 46].

Учитывая длительность времени прошедшей с момента эмиграции, власть более решительно приступила к ликвидации опекаемых имуществ и окончательному превращению их в казенные. 9 июля 1875 г., указом из губернского правления, чиновнику по особым поручениям при начальнике губернии было поручено ехать в Евпаторию и лично заняться татарскими имениями [12, л. 47].

Следует, очевидно, также указать, что в этот период (1875 г.) в Евпаторийский сиротский суд входили: городской голова Самуил Мошевич Панпулов. Члены: Мортхай Осипович Сарачь, Гегель Моисеевич Гегелович, Константин Ильич Попойдопуло, Петр Петрович Фельдман, Курт Сеит Смаил Оглу, Агон Митаевич Сеореров [12, л. 54].

В связи с передачей земли государству, так как прошло более 10 лет, взявшим ее в аренду возвращали залоги, в том числе титулярному советнику Василию Ива-

новичу Бембери 6 руб. [12, л. 57]. А логическим завершением этого вопроса можно назвать решение симферопольского окружного суда, в составе – председатель Д. А. Калмыков, члены: князь Н. С. Давыдов, почетный мировой судья К. А. Десеварджи, прокурор В. К. Анастасьев, от 5 сентября 1875 г. о передаче земли государству 180 десятин при деревне Кары [12, л. 64].

Аналогичные процессы происходили и в Бахчисарае. Так, 23 марта 1866 г. Таврическое губернское правление слушало рапорт губернского стряпчего №14, которым он сообщал, что на основании 213 ст. II ч. X т. по продолжению 1863 г., взятые в опекуновское управление земли в Крыму, составлявшие собственность татар самовольно удалившихся за границу, были оставлены в опекуновском управлении до окончания срока земской повинности со дня ратификации Парижского трактата, и было установлено, что если бы в течение того времени кто либо из означенных лиц возвратился и предъявил свои права на владение землей, то претензию каждого такого лица рассматривать отдельно установленным судебным порядком. На момент доклада вышеозначенный срок земской давности минул, и в связи с тем, что предъявление прав на земли было предоставлено только возвратившимся татарам, а не «вступившим в подданство Турции и появляющимся в Крыму временно в звании турецкоподданных, также к оставшимся в Крыму родственникам их», то стряпчий предлагал все числящиеся ранее за ними земли и все собранные с них доходы, с разрешения правительства, передать в казну. О чем и доложил на усмотрение начальнику губернии. Опираясь на этот доклад, 22 апреля 1866 г. Таврическое губернское правление приказало Бахчисарайскому сиротскому суду, впрочем как и прочим сиротским судам, дворянским опекам и ТМДП, о татарах ушедших за границу и их имуществе, а также данные о том, сколько собрано с них доходов. Именные списки предлагалось предоставить в губернское правление [80, л. 8-9]. Приказ подписал старший советник Оболенский.

Справедливости ради, следует отметить и внешне близкие, но совершенно различные по исходным причинам дела, проводившиеся в сиротских судах по вопросу ушедших за границу, или не вернувшихся из-за нее. Так, к примеру, в своем заседании от 29 марта 1860 г. Бахчисарайский сиротский суд, по отношению Бахчисарайского городской ратуши от 22 марта 1860 г., учредил опеку над «имением оставшегося после выезда за границу Бахчисарайского мещанина Селемета Ильяс Оглу», с определением опекуна. Этим же решением опекуну было поручено составить в 3-х экземплярах опись имущества (дом) при члене суда Абибулле оглу и 2-х посторонних свидетелях. Как и полагается, об учреждении опеки решено было донести Таврической палате гражданского суда и уведомить ратушу [77, л. 3].

В свою очередь, 21 мая 1860 г., Таврическая палата гражданского суда приказала сиротскому суду доставить ей опись имущества [77, л. 5]. Однако в процессе развития дела, у дома нашелся собственник – 3-й гильдии купец Аблы Осман Оглу, сумевший доказать свои права и решением от 14 февраля 1861 г. дело об опеке в сиротском суде прекратили. Однако наиболее интересным и показательным является тот факт, что «дом оставшийся после бежавшего за границу Бахчисарайского мещанина Селемета Ильяс оглу владела бесспорно жена его Нафизе более 40 лет а после смерти ее перешел оный во владение Бахчисарайского 3-1 гильдии купца Аблы...» [77, л. 16]. Данный факт заставляет задуматься, ведь в этом деле оказались нарушены все возможные процессуальные нормы, впрочем, как и этически-моральные. Каким образом вообще возникло дело, если человек (вначале он прописан пропавшим, а затем сбежавшим) пропал как минимум более сорока лет назад, оставив дееспособных наследников, не совсем понятно. Это может лишь объяснить низкий кадровый уровень персонала, работы судов, или, наконец, стремление государства как можно больше пополнить растроченную за Крымскую войну казну всеми возможными способами.

Таким образом, можно отметить следующее. Сиротские суды, входя в систему иных государственных органов опеки, были вовлечены в процесс выявления, использования и дальнейшей передачи в государственную собственность недвижимого имущества крымских татар эмигрировавших за границу в годы Крымской войны. Сам этот процесс происходил весьма болезненно и усложнялся запутанной системой землевладения и землепользования крымских татар. В тоже время, необходимо

отметить, что значительная часть имущества была передана законным наследникам эмигрантов.

Перспективы дальнейшего исследования проблемы состоят в изучении иных особенностей деятельности сиротских судов Таврической губернии в регионе, формирования их правовой базы.

Список использованных источников и литературы:

1. Азизбаева Р.Е. Призрение сирот и незаконнорожденных в России XVIII века : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Азизбаева Раиса Евгеньевна. – М., 2004. – 414 с.
2. Думенко О. Е. Сиротские суды Тверской губернии в последней четверти XVIII – первой половине XIX века: дис. ... кандидата ист. наук : 07.00.02. / Думенко Ольга Евгеньевна. – Тверь, 2010. – 192 с.
3. Думенко О. Е. Документы сиротских судов в справочниках региональных государственных архивов / О. Е. Думенко // Отечественные архивы. – 2012. – № 3. – С. 30-34.
4. Киприянова Н. В. Деятельность Сиротского суда г. Владимира в конце XVIII – первой половине XIX в. / Н. В. Киприянова // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: История и политические науки. – 2010. – № 1. – С. 32–41.
5. Нечаева А.М. Государственно-правовая охрана детей-сирот в России / А. М. Нечаева // Советское государство и право. – 1991. – №6. – С. 121-126.
6. Стародубцев Ю.И. Особые суды для несовершеннолетних в России. Историко-правовой аспект: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Стародубцев Юрий Ильич. – Санкт-Петербург, 1998. – 255 с.
7. Змерзлий Б. В. Сиротські суди в Таврійській губернії: історія і перспективи вивчення (кінець XVIII – початок XX ст.) / Б. В. Змерзлий // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2011. – №2, том 24 (63). – С. 23-28.
8. Хутько Т. В. Створення судових органів у Таврійській області у 80-ті –90-ті роки XVIII століття / Т. В. Хутько // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. – 2011. – №2, том 24 (63). – С. 357-366.
9. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. XXXI. Отделение первое. 1856. – Спб., 1857. – 1105 с.
10. Ревін К. І. Формування та діяльність духовних судів у Таврійській губернії (кінець XVIII – початок XX ст.): історико-правове дослідження: дис. ... кандидата юрид. наук : 12.00.01 / Ревін Кирил Ігорович. – Сімферополь, 2012. – 227 с.
11. Государственный Архив Автономной Республики Крым, ф. 727, оп. 1, д. 63. О взятии в опеку имущества ушедших за границу татар – Евпаторийских мещан. 26.02.1858 – 7.06.1874 г.
12. Там же, ф. 727, оп. 1, д. 68. О взятии в опеку имущества ушедших за границу татар – Евпаторийских мещан. Т. 6. 1858 – 1874 гг.
13. Там же, ф. 56, оп. 1, д. 741. По именным указам и предписаниям губернского правления. 1866 г. 28 л.
14. Там же, ф. 56, оп. 1, д. 605. О взятии в опеку селения после выезда Селямета Илья Оглу за границу. 1860 г. 24 л.

Німетулаєва С. С. Діяльність сиротських судів Таврійської губернії по організації опіки, використанню і передачі в державну власність майна емігрантів кримських татар в XIX ст. / С. С. Німетулаєва // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия: Юридические науки. – 2013. – Т. 26 (65). № 1. – С. 420-425.

У статті розглядається діяльність сиротських судів Таврійської губернії по організації опіки, використанню і передачі в державну власність майна емігрантів кримських татар в другій половині XIX в. Указується, що вони діяли разом з іншими органами опіки, такими як Дворянська опіка і Таврійське Мусульманське Духовне Правління в питаннях виявлення, використанню і передачі в державну власність майна кримських татар, що емігрували.

Ключові слова: сиротські суди, кримські татари, еміграція, опіка.

Nimetulaeva S. S. Dwork orphan courts of the Tavrisheskoy province on organization of guardianship, use and transmission in the public domain of property of emigrants of Crimean Tatars in XIX in. / S. S. Nimetulaeva // Scientific Notes of Tavrida National V. I. Vernadsky University. – Series : Juridical sciences. – 2013. – Vol. 26 (65). № 1. – P. 420-425.

In the article activity of orphan courts of the Tavrisheskoy province is examined on organization of guardianship, use and transmission in the public domain of property of emigrants of Crimean Tatars in the second half XIX in. Specified, that they operated together with other organs of guardianship, such as Nobiliary guardianships and Tavrisheskoe Moslem Spiritual Rule are in the questions of exposure, use and transmission in the public domain of emigrating Crimean Tatars.

Keywords: orphan courts, Crimean Tatars, emigration, guardianship.